

Сяо Цичэнь ломал голову, но так и не понял замысла отца. На следующий день, отправляясь в Императорскую академию, он, махнув на всё рукой, спросил Цзэн Сюя:

— Учитель, неужели я настолько никчёмён, что отец, не в силах больше этого выносить, решил силой вытолкнуть утку на шест? Он что, так меня ненавидит, что выставляет живой мишенью для князя Чжао, боясь, как бы тот не промахнулся?

Цзэн Сюй, привыкший к его дерзким, оскорбляющим высочайшую особу речам, невозмутимо поглаживал бороду, протянул Сяо Цичэню стопку «Великого учения» и неспешно произнёс:

— Ваше Высочество, помните ли вы, что говорили князю Чу, провожая его в тот день, накануне вашего первого выхода на придворное собрание?

За окном раздался пронзительный птичий крик, и Сяо Цичэня осенило. Он вспомнил.

«Я знаю, что у отца не было иного выхода. Отрешение наследника должно было стать для него тяжелейшим ударом. Ведь всем известно три принципа правления: справедливое управление и любовь к народу, почитание ритуала и уважение к учёным мужам, награждение достойных и назначение способных. Осмелюсь спросить, какому из них следует князь Чжао?»

Сяо Ципин рассмеялся тогда: «Ты можешь только языком молотъ, в Чертог Великого Предела тебе и дороги-то нет».

Сяо Цичэнь надулся: «Бездарному — не место в чиновничьих рядах. Отец, видимо, счёл меня бесполезным».

Воспоминания резко оборвались. Сяо Цичэнь поперхнулся, не успев перевести дух, как Цзэн Сюй безжалостно добил его: «В тот день государь находился снаружи. И все ваши дерзкие речи услышал отчётливо».

Сяо Цичэнь: «...»

Он носил императорский титул уже почти тридцать лет. От былой решимости и честолюбивых планов не осталось и следа, силы постепенно покидали его. И как раз в такое время тщательно взращённый наследник был вынужден отойти от дел, старший сын оказался слишком жестоким... Случайно зайдя в Императорскую академию, Сяо Янь услышал слова этого малого сына, которого всегда считал не более чем забавной игрушкой.

Сказанное было не совсем верно, но юношеский пыл и непокорный дух, сквозившие в речах, тронули Сяо Яня.

Он задумался: не слишком ли долго он забывал о Сяо Цичэне? Вспомнил, как тот малыш в детстве, с печатью невостробованности на личике. Сяо Янь размышлял снова и снова и после полугода наблюдений решил дать ему шанс досрочно.

«Не говорил ли ты, что “бездарному — не место в чиновничьих рядах”? Что ж, пусть все увидят, способен ли ты на что-то», — подвёл итог Су Янь, выслушав долгие жалобы Сяо Цичэня.

Продолжая горестно щёлкать семечки, Сяо Цичэнь кивнул:

— Знать бы раньше — держал бы язык за зубами.

Су Янь с недоумением покосился на него, словно крайне удивившись сегодняшней самокритичности принца, но, зная, что сейчас лучше его не перечить, сменил тему:

— Зачем ты позвал меня сюда?

Стоял полдень, и Цзиньлин гудел, как растревоженный улей. А Сяо Цичэнь, княжеская кровь, вот так запросто пересекал по главным улицам, даже без свиты. На вопрос Су Яня «почему?» он лишь удивился в ответ: «А разве ты не военный?» — явно переоценив его боевые навыки.

Южная часть города кишела всяким сбродом. Днём здесь работали харчевни да лотки с закусками, повсюду толпился простой люд, пытающийся заработать на хлеб, — шумно, суетно, но по-своему живо. Зато к ночи район преображался: зажигались красные фонари у публичных домов, обслуживающих самую бедноту, рыскали воры и разбойники. Потому-то родители и наставляли детей: «Туда не ходи!».

Вот в это самое место Сяо Цичэнь и привёл Су Яня, и среди лабиринта переулков отыскал небольшую школу.

Этот приют всех слоёв общества был словно позорным клеймом на теле Цзиньлина. А маленькая школа с белыми стенами и тёмной черепицей, будто белый лотос, проросший из грязи, горделиво стояла на этом самом клейме, удерживая свою неприступность.

Из-за стены доносились размеренные голоса, читающие текст нараспев. Сяо Цичэнь, послушав некоторое время, наконец заговорил:

— Говорят, местный учитель — личность интересная. Хочу с ним побеседовать.

Су Янь от этих слов ещё больше запутался, но лишь промычал «ага» в ответ, принял от Сяо Цичэня скорлупки от семечек и бросил их в небольшой мешочек. Они ещё немного постояли. Чтение внутри прекратилось, наступила тишина, а вскоре донесся нарастающий гомон — дети высыпали на улицу после занятий.

Малыши, едва доходившие взрослым до пояса, вываливались наружу, толкаясь и резвясь, и, добежав до развилки переулков, словно река, разбившаяся на рукава, ныряли в узкие проулки, пока не растворились из виду.

Люди по обеим сторонам улицы смотрели на это, не проявляя ни малейшего интереса. Лишь тогда Сяо Цичэнь, спокойно простоявший у ворот изрядное время, выпрямился во весь рост и сунул недоеденные семечки за пазуху:

— Пойдём, познакомимся с этим учителем.

Переступая порог, Су Янь случайно поднял голову и увидел, что у заведения есть название. Над воротами висела простая табличка, иероглифы на ней были свежими, но уже будто тронутыми ветром и дождём. Написано было: «Академия Сяшань».

Академия Сяшань была мала, но обустроена со всем необходимым. Во дворике росли сливы, к концу осени уже облетевшие, лишь голые ветви трепетали на ветру. Напротив, должно быть, находился класс. Естественно, атмосфера не шла ни в какое сравнение с учёбой в Императорской академии. Внутри низкие столики и сиденья стояли в живописном беспорядке. У входа, развалясь, сидел молодой человек и что-то читал.

Су Янь бросил беглый взгляд и увидел, что читает он отнюдь не Четверокнижие или

Пятикнижие, а, ни много ни мало, даосский канон. «Странный тип», — подумал он.

— Осмелюсь спросить, вы ли учитель Сяшань? — вежливо поклонился Сяо Цичэнь.

Тому молодому человеку на вид было лет двадцать, чуть старше Сяо Ципина, но явно не настолько, чтобы его величали «учителем». Однако тот с достоинством принял поклон Сяо Цичэня, выпрямился и произнёс:

— Дорогой гость?

Сяо Цичэнь ответил:

— Не смею. Услышал о вашей славе и пришёл, чтобы попросить разъяснить некоторые сомнения.

Учитель Сяшань лениво поднялся, оглядел Сяо Цичэня с ног до головы, и на его лице вдруг мелькнуло понимание:

— Вы тот самый молодой человек, что в тот день на горе Цися слагал стихи вместе с нами! Тогда вы убежали слишком быстро, я не успел спросить ваше почтенное имя.

Сяо Цичэнь сдержанно ответил:

— Моя фамилия Сяо. Из тех самых... Сяо из Тайчэна. В детстве мы с вами встречались. Вы тогда сказали моему брату, что если он станет государем, то вы непременно займёте высочайший пост.

Услышав это, Су Янь остолбенел, но не успел вымолвить ни слова, как учитель Сяшань отшатнулся. Всё его прежнее спокойствие вмиг испарилось:

— Шестой принц?!

Сяо Цичэнь улыбнулся, и на лице его появилась юношеская живость:

— Господин Се, давно не виделись. Как поживаете?

После нескольких взаимных пробных ударов выяснилось, что они старые знакомые. Су Янь, устроившись в чайной комнате, слушал, как Сяо Цичэнь с жаром представляет его:

— Аянь, это внук канцлера Се, единственное имя — Хуэй, второе имя Чжунгуан. Чтобы удалиться от мира, даже псевдоним себе придумал. О его подвигах, полагаю, ты и сам слышал?

Су Янь осторожно спросил:

— ...Не тот ли это господин Се, что прославился поэтическим даром в юности, а потом, отвергнув должность в Малом дворце, пожалованную самим императором, сбежал из дома?

Господин Се смущённо кашлянул, развернул веер с пейзажем и, несмотря на холод, принялся театрально обмахиваться, пытаясь скрыть лицо. Вид у него был такой, будто ему хотелось провалиться сквозь землю.

А Сяо Цичэнь, словно добывая, невинно добавил:

— Говорят, отправился странствовать по Поднебесной, да по дороге все деньги истратил, пришлось возвращаться. А чтобы канцлер Се не смеялся, затаился в южной части города и школу открыл. Знаешь что, Се Хуэй? Твою школу канцлер вычислил в первый же день. А думаешь, откуда дети-то взялись? Это канцлер, чтобы ты не пал духом и не разуверился в жизни, подослал своих людей, нанял ребятни.

Слова его звучали в духе «весь мир в курсе, один ты в неведении». Каждая фраза — словно нож, ранивший самолюбие этого молодого аристократа, возмнившего, что сумел всех провести. Тот едва держался, поспешно глотая чай:

— Ваше Высочество, в делах человеческих следует оставлять место для манёвра. Мы столько времени не виделись, и вы сразу за своё... Разве это уместно?

Сяо Цичэнь ответил:

— Полагаю, вполне уместно. А ты думал, я пришёл поболтать о житье-бытьё?

Се Хуэй закрыл лицо руками:

— Не смею и помыслить о болтовне с вами, Ваше Высочество. Весь Цзиньлин нынче ведаёт, что вы — нынешняя жемчужина в ладони у его величества, и степень благоволения к вам ничуть не уступает прежней к наследнику престола.

Хотя он и не ошибался, но слова «жемчужина в ладони» резали слух. Сяо Цичэнь усмехнулся:

— На высоте — холодно. Но раз уж взошёл на эту ступень, назад пути нет. Учитель Сяшань, помогите мне.

— Нет уж... — запротестовал Се Хуэй. — Я дал обет не вмешиваться в государственные дела.

Сяо Цичэнь парировал:

— Мудрый человек знает, когда время требует действий.

Се Хуэй тут же отпрыгнул на несколько шагов, настороженно воскликнув:

— Ваше Высочество, вы что же, собираетесь принуждать честную девицу к непотребству?!

<http://bllate.org/book/15940/1424983>